

**К предложениям РСПП по совершенствованию уголовного и
уголовно-процессуального законодательства в сфере экономической
деятельности, обсужденные на заседании общественных советов при
Министерстве юстиции РФ, Министерстве внутренних дел РФ,
Следственном комитете РФ "Совершенствование уголовного и уголовно-
процессуального законодательства в сфере экономической
деятельности" 04 октября 2023 года**

**(в части предложений по изменению уголовно-процессуального
законодательства)**

Предложение (I.1):

- установить в УПК РФ возможность внесения лицом, впервые совершившим преступление, в депозит суда денежных средств в счет возмещения ущерба и уплаты денежного возмещения в соответствии со статьей 76.1 УК РФ. При этом, если в ходе продолжения судебного разбирательства по причине возражения подсудимого против прекращения уголовного дела, будет установлена его виновность, суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания. Необходимо также урегулировать вопрос возврата, внесенных в депозит суда денежных средств при вынесении оправдательного приговора в указанных обстоятельствах.

В целом поддерживая эту идею, нельзя не обратить внимание на следующий аспект. На сегодняшний день внесение депозитов в счет возмещения ущерба и причиненного вреда носит проблемный характер не только по экономическим составам. Обращает на себя внимание ситуация, когда аппараты судов испытывают огромную нагрузку, обусловленную не только организационной составляющей при рассмотрении уголовных дел, но и сопряженных с иными административными задачами (отчетности и так далее). Громоздкая система судебных депозитных счетов (счета администрируются Судебным департаментом), не делает популярным их применения (в частности, это также является одним из затруднений для расширения практики применения залога). Соответственно, облегчить администрирование данной задачи могут специальные депозиты, открываемые у нотариусов. Но требуется проработка специальной процедуры их открытия с тем, чтобы обеспечить сохранность и целевое использование денежных средств. При этом внесение денежных средств на такие счета должно признаваться надлежащим возмещением ущерба и вреда не только по экономическим преступлениям, но и по другим видам преступлений, а также стать альтернативой ареста имущества (внесение обеспечительной суммы, как основание для отмены ареста имущества). В этом направлении требуется проработка процедуры совместно с нотариальным сообществом, которое должно иметь более гибкие инструменты применения обеспечительных мер.

Относительно предложения о необходимости расширения практики применения залога следует отметить, что предложенное решение существенно не изменит сложившуюся ситуацию. С одной стороны, законодательное повышение порога залога – не имеет смысла, так как законом установлены минимальные пороги, а суды, учитывая все обстоятельства дела, в каждом конкретном случае устанавливают размер залога. Но повышение минимального размера залога делает его еще более недоступным для применения в других случаях, не экономических. С другой стороны, при избрании залога, домашнего ареста – суд устанавливает конкретные запреты для обвиняемого. А эти запреты, как правило, выражаются в запрете общения с участниками уголовного судопроизводства. Когда расследуются уголовные дела в экономической сфере, в качестве свидетелей допрашиваются сотрудники предприятий, лица, работающие совместно с предпринимателем, делая невозможным для предпринимателя в дальнейшем общаться с ними, чтобы управлять бизнесом, не нарушая избранной меры пресечения и установленных запретов.

Другой вопрос, что существующая конструкция ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, а также традиция к квалификации деяний по экономическим составам, делают предложенные гарантии невозможными к исполнению. Редкое дело против предпринимателя не содержит одну-две страницы в ходатайстве об избрании меры пресечения, на которых следователь мотивирует, почему инкриминируемое деяние не относится к экономическим, даже если в основе обвинения положены исключительно договорные отношения между предпринимательствующими субъектами. Суды на досудебной стадии лишены возможности вторгаться в оценку обоснованности предъявленного обвинения, а потому во многом вынуждены соглашаться. Даже внесенный Верховным судом РФ проект закона №383210-8, которым предлагается ввести специальные понятия преступлений, совершенных индивидуальным предпринимателем, членом органа управления коммерческой организации и т.д., также не решат сложившуюся ситуацию, пока со стороны Верховного суда, кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции не будет выработано единообразного подхода с четко обозначенными критериями, в каких случаях судам не следует избирать меры пресечения в виде заключения под стражу для предпринимателей.

В этом смысле с точки зрения совершенствования именно законодательства в нормативном регулировании мер пресечения (а не практики его применения) имеются пробелы, имеющие гораздо более актуальное значение. Например, это вопросы оформления доверенностей на осуществление корпоративных прав предпринимателей, оказавшихся под следствием. Это повсеместно возникающие в судебной практике запреты на прогулку при избрании домашнего ареста (с обычной мотивировкой, что законом она не предусмотрена, хотя при более суровой мере пресечения – содержании под стражей гарантируется минимум один час). Мы продолжаем в определении субъектов предпринимательской деятельности в уголовно-процессуальном и уголовно-правовом смысле игнорировать более релевантное

понятие контролируемых должника лиц и акционеров, обходим стороной и представителей микробизнеса, на развитие которого направлены значительные силы государства – самозанятых. Тотальный запрет на пользование ресурсами сети Интернет, когда государство столько сил и средств вложило в цифровизацию, – у подследственных нет возможности даже урегулировать отношения с государственными органами (налоговой, судебными приставами и так далее), поскольку запрет использования сети Интернет подразумевает невозможность обращения к Госуслугам и другим государственным сервисам, а иногда ставит бизнес под угрозу, т.е. нет возможности своевременно сдавать налоговые декларации, оплачивать налоги и сборы, заработные платы и т.д.

Предложение (3.1)

- исключить возможности судьи, рассматривающего уголовное дело по существу, выносить процессуальные решения на этапе проведения следствия, поскольку судья фактически становится связан решениями, вынесенными на стадии уголовного расследования, что приводит к обвинительному уклону при вынесении приговора по делу

Если это попытка ввести понятия следственного судьи, то такое предложение заслуживает внимания и тщательного обсуждения. А в условиях существующей судебной системы, вряд ли оно исполнимо без существенного увеличения штата судей. Если в крупных городах суд, пожалуй, сможет по сути выделить одного-два судей, которые будут исключены из рассмотрения уголовных дел, а будут заниматься только рассмотрением вопросов досудебного производства, то в малочисленных судах как это предложение будет реализовываться? Это не означает, что нам надо перестать искать решения и формы, повышающие гарантии справедливого судебного разбирательства, но в таком виде предложение не решает ни, так называемую, проблему обвинительного уклона, ни повышает гарантии рассмотрения уголовных дел.

Предложение 3.2:

- ввести обязательное ознакомление сторон по делу с постановлением о назначении экспертизы, обязательную мотивировку отказа включать вопросы защиты в перечень вопросов эксперту, отклонения предложенных защитой экспертных учреждений или экспертов, а также отказа в приобщении доказательств защиты.

Данное предложение представляется несколько необоснованным, поскольку существующее нормативное регулирование ровно это и предполагает. Обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы в порядке ч. 3 ст. 195 УПК РФ (другой разговор, что в части 3 можно дополнить требованием незамедлительного ознакомления), вопросы защиты заявляются в порядке ст. 120 УПК РФ, а заявленное ходатайство должно быть разрешено следователем

(судом), о чем выносится постановление (ст. 122 УПК РФ), которое должно быть обосновано и мотивировано (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). В то же время по линии руководителей следственных органов, пожалуй, имеет смысл усилить контроль за деятельностью следователей в части неукоснительного исполнения ими указанных требований закона.

Предложение 3.3:

- установить в УПК РФ возможность составления и представления прокурору, суду заключения защиты по существу предъявленного обвинения, которое будет обобщать и пояснять позицию защиты по обстоятельствам уголовного дела для участников уголовного процесса;

Данное предложение можно только поддержать, даже с точки зрения выработанных отечественной наукой понятий о справедливом и состязательном судебном разбирательстве, позиция сторона защиты должна быть представлена в деле наряду с обвинительным заключением. И не только по экономическим делам. При проработке соответствующих вопросов, надо обратить внимание, что срок подготовки заключения защиты должен исчисляться только после подписания протокола ознакомления с материалами уголовного дела и должен быть разумно достаточным (например, по делам средней тяжести – не менее 14 дней, тяжких – 28 дней и так далее), чтобы, с одной стороны, представляемое заключение было выполнено на высоком уровне, было основано на детальном понимании материалов уголовного дела, с которыми сторона защиты знакомится позднее всех. Полагаем, было бы справедливым предоставить возможность, когда уголовное дело поступает в суд не только с обвинительным заключением (обвинительным актом), но и с позицией защиты, с которой суд может сразу ознакомиться, еще на стадии принятия дела к производству. Это процессуально уравнивает стороны, а также предоставляет возможность на более ранней стадии судебного производства выявить имеющиеся препятствия в рассмотрении дела, принять меры к их устранению.

Дополнение по расширенным тезисам РСПП

В части предложения (IV) об отнесении экономических дел только к делам частного и частно-публичного обвинения, путем внесения соответствующих изменений в ст. 20 УПК РФ, представляется, что приведенное обоснование исходит из тезиса, вызывающего сомнения. В частности, утверждение, что преступления в сфере экономической деятельности, как правило, затрагивают интересы только потерпевшего, не причиняя ущерба интересам иных лиц, не совсем коррелирует с теорией

уголовного права. Нельзя ограничиваться в интерпретации объекта только имущественными интересами конкретных участников экономических отношений, поскольку имеется еще и весьма понятный публичный интерес стабильности экономических отношений, их устойчивости и прозрачности. Помимо имущественного ущерба результатом совершения экономических преступлений становится подрыв в веру защищенности правомерных экономических отношений, что не улучшает условия к развитию экономики в целом. Например, в части декриминализации ст. 183 К РФ, отметим, что многие предприятия на сегодняшний день испытывают огромные проблемы с защитой коммерческой тайны. Защитить разглашение коммерческой тайны, ноу-хау производственным и конструкторским компаниям непросто как в гражданско-правовом, так и в уголовно-правовом порядках. А декриминализация этого става послужит дополнительным сигналом со стороны государства, что противоправное поведение, направленное на незаконные сбор, разглашение, передачу коммерческой тайны более не будет признаваться преступным, это еще понизит уровень защиты, что в конечном итоге приведет к уничтожению института коммерческой тайны. Да и потом – с той же коммерческой тайной: как обоснованно рассчитать размер ущерба? Сколько стоит сам факт посягательства на защиту какого-нибудь уникального ноу-хау?

Другой разговор, что предусмотреть возможность прекращения уголовного преследования в условиях, когда и имущественный ущерб возмещен, и иным способом вред заглажен, пожалуй, стоит по большинству составов гл. 22 УК РФ, независимо от тяжести инкриминируемого деяния.

А.Г. Тузов,
Санкт-Петербургский государственный университет